

В день традиционного праздника Фонарей, когда каждый уголок столицы был украшен красными фонарями с золотой каймой, небо и земля казались единым целым, сливаясь в сиянии вечерних звезд и лунного света. Улицы были забиты ликующей толпой, люди шумно праздновали редкое ежегодное торжество.

Однако в одном из столичных поместий атмосфера разительно отличалась — здесь царили печаль и уныние, словно черные тучи застлали небо.

— Господин, вы не можете соглашаться! Если Цяолян действительно выйдет замуж, она же обречет себя на страдания до конца жизни! — средних лет женщина в изысканном шелковом платье рыдала, прижимая к лицу рукава. Рядом с ней мужчина, хмурясь, нервно расхаживал из стороны в сторону.

— Довольно, довольно, я знаю. Я уже поручил людям в Управлении императорского рода уладить этот вопрос.

Женщина вытерла слезы, цепляясь за последнюю надежду:

— Господин, и что же они сказали?

Мужчина вздохнул и махнул рукой:

— Управляющий из Управления — мой земляк. Он сказал, что в столице не так уж много девушек подходящего возраста из знатных семей, да и те либо больны, либо уже просватаны. В общем, свободных почти не осталось. Но он посоветовал не волноваться: из поданного списка он имя Цяолян уже вычеркнул, так что, возможно, удастся проскочить.

Услышав это, женщина тут же опустилась на колени перед домашним алтарем, стоявшем в глубине комнаты, и со сложенными ладонями принялась усердно кланяться.

— Бодхисаттва, умоляю, защити нашу Ляньэр! Пусть она будет в безопасности, лишь бы не выходить за этого больного князя!

Ее непрерывное бормотание начинало раздражать мужчину. Слушая вой ветра за окном, он чувствовал, что вот-вот должно случиться что-то недоброе.

Так и вышло. Не прошло и много времени, как дворецкий, служивший семье Цзо долгие годы, вбежал в комнату, спотыкаясь и падая.

— Господин, госпожа! Из Императорского дворца прислали посланника!

— Что? — мужчина в панике распахнул дверь. — Где он?

— Уже у ворот.

— Скорее готовьте столик для курений, будем встречать!

— Слуга уже распорядился, прошу вас, господин, переоденьтесь в официальный наряд.

— Хорошо, хорошо. — Мужчина дрожащими руками вернулся в комнату и прикрикнул на остоленевшую супругу: — Чего встала? Помогай мне одеваться!

Спустя некоторое время он уже чинно стоял на коленях перед столиком для курений. Евнух с гладким лицом, держа в руках ярко-желтый свиток, торжественно провозгласил:

— Указом императора повелеваю: дочь помощника министра ритуалов Цзо Минюаня — Цзо Цяолян, известную своей кротостью, добродетелью и воспитанностью, выдать замуж за Девятого князя в качестве его супруги. День свадьбы выбрать согласно благоприятным знамениям. Исполнить!

— Поздравляю господина Цзо, мои искренние поздравления! — Евнух свернул свиток и расплылся в улыбке.

Цзо Минюань натянул на лицо улыбку:

— Вы проделали долгий путь, господин евнух. Это лишь малая благодарность, прошу, примите.

— Ха-ха, хорошо. В другой раз приду к господину Цзо выпить свадебного вина. А теперь мне пора возвращаться во дворец с докладом.

— Благодарю вас, доброго пути.

Когда Цзо Минюань проводил посланника, на душе у него было невыразимо горько. Вернувшись во внутренние покои, он застал жену в слезах. Увидев его, она сразу начала браниться:

— Вот до чего довело твое позерство! Не хотел заводить связи с влиятельными людьми, а теперь что? Дочь отправляют в огненную яму! Если через год-другой она станет вдовой, без власти и поддержки, как ей жить дальше?

Цзо Минюань и без того был вне себя от беспокойства, а бесконечные упреки и рыдания супруги только выводили его из равновесия. Он стоял с почерневшим лицом, готовый разбить всю стоявшую рядом фарфоровую утварь.

В самый разгар их отчаяния вбежал дворецкий. Заметив дурное настроение хозяина, он все же набрался смелости и склонился:

— Господин, госпожа... Молодой господин... Он вернулся.

Глаза Цзо Минюаня округлились:

— Этот непутевый сын... Что ему понадобилось в такое время? Пришел нам насолить? Пусть проваливает и чтобы ноги его больше не было в поместье Цзо!

Госпожа Цзо, напротив, вытерла слезы и встала. Сделав вид, что не слышит окриков мужа, она приказала дворецкому:

— Скорее, проводи его внутрь.

— Слушаюсь, госпожа. — Дворецкий украдкой взглянул на Цзо Минюаня и, не заметив явного запрета, поспешно удалился.

— Этот негодник! Это все ты его избаловала с детства!

Слезы госпожи Цзо полились с новой силой:

— Господин, дочь вот-вот окажется в пасти тигра, а сын наконец-то вернулся, и ты гонишь его прочь? Как же у тебя хватает жестокости...

Эти слова лишили Цзо Минюаня дара речи. Долгое время он молчал, а затем лишь тяжело вздохнул:

— Чем я заслужил такую судьбу...

У ворот поместья Цзо двое слуг в синих одеждах, под предводительством дворецкого, несли паланкин. Под колышущейся занавеской паланкина мелькали красные расшитые туфли.

Хотя праздник Фонарей пришелся на дни после начала весны, в столице все еще стояли лютые холода. Вода, разлитая слугами утром, превратилась в лед, и от одного выхода на улицу можно было продрогнуть до костей.

В приемном зале горели две печи, языки пламени жадно лизали бронзовые крышки, наполняя комнату теплом. Дворецкий, втянув голову в плечи, приоткрыл дверь, и внутрь тут же ворвался ледяной поток ветра.

— Молодой господин, осторожнее.

Он придержал дверь, пока человек за его спиной не переступил порог, и только потом плотно закрыл ее, чувствуя, как тепло печи наконец начало согревать воздух.

— Молодой господин, присядьте, я сейчас же позову господина и госпожу.

— Благодарю за хлопоты.

— Пустяки, пустяки, — засуетился морщинистый дворецкий.

Перед тем как выйти, он не удержался и обернулся. Он до сих пор не мог поверить, что молодой господин, ушедший из дома пять лет назад, вернулся совсем другим человеком. Если бы не знакомые черты лица и голос, даже нянька, выкормившая его, не узнала бы его.

— Господин, госпожа, молодой господин ждет в приемном зале.

— Хорошо, хорошо. — Госпожа Цзо взглянула на мужа, который все еще стоял со сложенными за спиной руками, и убеждала: — Господин, пойдёмте, сначала посмотрим, а там видно будет.

Верный дворецкий, освещая путь фонарем, осторожно заметил:

— Господин, госпожа, молодой господин стал совсем не таким, как раньше.

Цзо Минюань холодно фыркнул:

— Если он заявится в своем даосском одеянии, клянусь, я с него шкуру спущу!

Госпожа Цзо была полна тревоги:

— Господин, пожалуйста, поменьше говорите. Сын наконец вернулся, не вздумайте снова его разозлить.

Цзо Минюань дернул рукавом, но сдержал гнев и быстро зашагал вперед. Госпожа Цзо, зная его характер, немного успокоилась. Пусть судьба Цяолянь была под вопросом, но воссоединение семьи в праздник Фонарей — уже добрый знак, не так ли?

Путь, занимавший обычно полчаса, они преодолели в мгновение ока. Как только дворецкий отворил дверь, госпожа Цзо, обогнав мужа, вошла внутрь:

— Сынок...

Слово замерло на ее устах. Она в изумлении смотрела на стройную женскую фигуру, стоящую к ней спиной.

Девушка услышала звук и обернулась. На ней был кремовый жакет с узкими рукавами, длинная лиловая юбка, на плечи накинута шаль с узором из бабочек. Длинные гладкие волосы обрамляли лицо, на нежной, словно жир, коже рук поблескивал нефритовый браслет, а на ногах были красные расшитые туфли. Весь её облик дышал изяществом и чистотой.

Госпожа Цзо в смятении взглянула на дворецкого:

— Это... чья это девушка? Где же Хунцю?

Дворецкий, ожидавший такой реакции, криво усмехнулся:

— Молодой господин, лучше вам объяснить самому.

Девушка мягко и грациозно поклонилась:

— Отец, матушка, это я, Хунцю.

Хотя в голосе слышались мужские нотки, госпожа Цзо сразу узнала сына. Она в неверии сделала несколько шагов вперед и, пристально вглядевшись, разглядела в этой красоте знакомые черты.

— Хунцю, ты... как ты стал таким?

Цзо Минюань, весь дрожа от гнева, выкрикнул:

— Негодник! Ты нарочно пришел, чтобы довести меня до ручки? Вон отсюда!

Перед лицом ярости Цзо Минюаня Цзо Хунцю, в отличие от своих прошлых вспыльчивых протестов, оставался на удивление спокойным, словно ругали вовсе не его.

Госпожа Цзо, не в силах сдержать тоску, вопреки запретам мужа бросилась в объятия сына:

— Сынок, главное, что вернулся, вернулся!

Цзо Минюань поднял дрожащую руку:

— Древние были правы: излишняя любовь матери губит ребенка.

Цзо Хунцю нежно погладил вздрагивающие плечи матери и слегка улыбнулся:

— Отец, матушка, на самом деле я вернулся из-за Ляньэр.

— Замолчи, негодник! Дела семьи Цзо тебя не касаются.

— Отец, а что, если вместо Ляньэр в княжеский дворец отправлюсь я?

На мгновение в теплом зале воцарилась мертвая тишина, слышно было лишь потрескивание

углей в печи. Спустя долгое время госпожа Цзо, взяв сына за руку, усадила его на стул с меховой накидкой и, не обращая внимания на помрачневшее лицо мужа, в отчаянии произнесла:

— Хунцю, я вижу, ты уже в курсе. Но даже если бы ты мог заменить её... Моя левая рука — это Ляньэр, правая — ты. Кто бы ни ушел, мое сердце разрывается на части.

— Не волнуйтесь, матушка, я знаю, что делаю, и это никак не повредит отцу на службе. — Цзо Хунцю бросил на Цзо Минюаня насмешливый взгляд.

Цзо Минюань хотел было взорваться, но, вспомнив, что время свадьбы приближается, а лучшего плана нет, прикусил язык. Однако он уже столько раз разочаровывался в сыне, что доверия к нему не было.

— Отец, ваша должность — это жизнь всего поместья Цзо. Нельзя поддаваться эмоциям. Девятый князь и так при смерти, едва ли у него остались силы даже встать с постели. Мне нужно лишь вести себя осмотрительно, а когда он испустит дух, я придумаю предлог, чтобы выскользнуть из дворца. К тому времени кто заподозрит неладное? Если пойдет Ляньэр, ей будет куда сложнее действовать. Разве я не прав, отец?

Губы госпожи Цзо дрогнули:

— Это... как же такое возможно, дитя мое...

Цзо Минюань буравил взглядом яркие, с легким оттенком женственности глаза сына, не зная, стоит ли рисковать. Но тут в дверь приемного зала забарабанили. Дворецкий в ужасе крикнул:

— Господин, госпожа, беда! Барышня... она исчезла!

— Что?! — Цзо Минюань распахнул дверь и проревел: — Повтори!

Дворецкий, задышавшись, пробормотал:

— Служанка принесла чай, а барышни в комнате нет. Мы обыскали всё поместье — и ни следа!

Цзо Минюань закашлялся от приступа ярости, едва держась на ногах. Госпожа Цзо вскрикнула:

— Скорее, обыщите весь двор, особенно пруд в саду! Если Ляньэр решилась на отчаянный шаг... Зачем мне тогда эта жизнь?

Дворецкий вытер пот и бросился прочь. Дверь, которую забыли закрыть, с грохотом билась о кирпичную стену под порывами ветра. В зале стало холодно — печи погасли.

Люди сутились до глубокой ночи, перевернув всё поместье вверх дном, но следов Цзо Цюолянь

так и не нашли. Цзо Минюань смирился с тем, что она сбежала. Сидя в кресле и глядя на сына, который был как две капли воды похож на изящную девушку, он понял, что выбора у него больше нет.

Холодный ветер по-прежнему резал лицо, иногда пролетали снежинки, но солнце, вопреки ожиданиям, ярко светило, и в безветренных местах чувствовалось тепло. Несмотря на странную погоду, в поместье Цзо царило оживление. Играли соны, гремели барабаны, на стенах на каждом шагу красовались красные иероглифы «Счастье», а у ворот собралась толпа мальчишек, выпрашивающих свадебные монеты.

Когда свадебный кортеж, растянувшийся на ли, приблизился к поместью, музыканты заиграли еще громче. Дети с радостными криками сновали между экипажами. Однако зеваки, знавшие правду, лишь качали головами.

— Почему вы вздыхаете в такой радостный день? — спросил кто-то из любопытных.

— Ты не знаешь?

— Нет.

— А знаешь ли ты, за кого выходит дочь рода Цзо?

— Говорят, за Девятого князя, любимого сына императора. Поместье Цзо сорвало куш, господин Цзо скоро пойдет на повышение!

— Эх, ты знаешь лишь верхушку айсберга. — Тот человек огляделся по сторонам и, заметив любопытные уши, таинственно прошептал: — Девятый князь с детства болезнен, а последние пару лет у него открылись кровавые рвоты. Врачи говорят, до следующей зимы может не дотянуть. Наложница Лэн, его мать, запаниковала и нашла даосского монаха, который нагадал, что свадьба в первом лунном месяце поможет отвести злых духов.

— Она схватилась за это как за соломинку и выпросила указ императора. Но кто же отдаст дочь на верную гибель? Никто из знати не хотел такой участи. Только господин Цзо, который вечно всех обижает и не хочет тратиться на взятки, оказался в поле зрения Управления. Приказ императора — не обсуждается, иначе плаха. Так что не смотрите на внешний блеск, внутри дома сейчас, должно быть, слезы льют.

Услышав это, люди начали сочувственно вздыхать. К этому времени свадебный кортеж остановился у ворот. Дворецкий принял список даров и громко объявил:

— Принято в дар: 500 лян золота, 5000 лян серебра, 200 отрезов шелка... а также вино, звериные шкуры, антиквариат и кораллы.

Опытный охранник спешил и, поклонившись Цзо Минюаню, сказал:

— Князь со вчерашнего дня нездоров, поэтому послал меня встретить невесту. Прошу прощения, если что-то не по этикету.

Цзо Хунцю, облаченный в ярко-красное свадебное платье с узором феникса, сидел в паланкине. Перед глазами стояли слезы матери и подавленное состояние отца. Путь впереди был туманен и полон опасностей, но у него были причины пойти на это.

Рядом сидели Матушка Ван из княжеского дворца и Цзы Хань, служанка его сестры. Зажатый между ними, Цзо Хунцю, скрытый красным покрывалом, сидел неподвижно. Матушка Ван, полагая, что невеста нервничает, пыталась поддержать разговор.

— Госпожа Цзо, свадьба по указу императора — событие, которое потрясло всю столицу. Жаль, что из паланкина ничего не видно.

По дороге к дворцу князя всё было украшено красными лентами, даже голые ветви деревьев. Вдоль пути стояли солдаты, сдерживая толпу, жаждущую увидеть редкое зрелище. Впереди шествия шли дети, осыпая дорогу розовыми лепестками.

Чем ближе был дворец, тем громче становился шум, отчего Цзы Хань, бледная как полотно, начала дрожать. Цзо Хунцю незаметно сжал её ладонь, и она, осознав опасность ситуации, усилием воли взяла себя в руки.

Матушка Ван, не замечая ничего, продолжала:

— Госпожа, следуйте за мной. Дворцовый этикет сложен, нужно потерпеть, а в опочивальне всё наладится.

— Благодарю вас, матушка, — тихо ответил Цзо Хунцю.

Наконец паланкин остановился. Цзы Хань помогла Цзо Хунцю выйти. Музыка и петарды гремели на все лады. Хотя под покрывалом всё было окрашено в красный, он чувствовал тысячи взглядов, устремленных на него.

После бесконечных церемоний и поклонов его привели в теплое помещение.

— Скорее, на колени! — прошептала Матушка Ван.

— Не нужно, сегодня радостный день для Нин'эр, не стоит смущать мою невестку. — Раздался властный голос.

Цзо Хунцю опустился на колени и трижды поклонился:

— Ляньэр приветствует наложницу Лэн. Желаю вам десяти тысяч лет жизни.

— Какая милая девочка, я же сказала, не нужно таких формальностей. Вставай.

— Благодарю, госпожа. — Цзо Хунцю поднялся, красный отрез ткани перед глазами продолжал колыхаться.

<http://bllate.org/book/21872/2270671>